

Глава 46. Прозрачное сердце

Незадолго до этого они как-то раз ходили в караоке.

Сяо Жань, Сяо Ван, Наньгун Хуэй и Вэнь Ле провели целый день в клубе «Милэсин», наслаждаясь пением.

Больше всего Сяо Жань любил песни Сюй Вэя: «Совершенная жизнь», «Голубой лотос», «Тот прежний ты», «Время». Он пел их одну за другой, и пусть исполнение не всегда было безупречным, в голосе отчетливо слышались и тоска по ушедшей юности, и тихая решимость. Вэнь Ле наблюдал за его лицом, то вспыхивающим, то гаснущим в свете экрана, смотрел на блеск в его глазах, и в мыслях невольно всплывал образ Сяо Чу, набросанный Сяо Жанем. Капризный, дерзкий и взбалмошный ребенок, который набрал целую гору вкусов и игрушек и бездумно разбазаривал свое счастье на улицах города, растрачивая мимолетную молодость и любовь. Быть может, из-за разделяющего их расстояния, из-за разлуки и приукрашенных воспоминаний он навеки останется для Сяо Жана тем самым «Голубым лотосом» — прекрасным и недостижимым идеалом.

Однажды Вэнь Ле спросил Сяо Жана, любит ли он до сих пор Сяо Чу. Тот ответил без колебаний:

— Я его ненавижу.

Заметив изумление во взгляде Вэнь Ле, Сяо Жань бесстрастно добавил:

— Буду ненавидеть до конца дней своих.

Вэнь Ле был потрясен. Ему еще не доводилось встречать в жизни столь сильных чувств, тем более по отношению к бывшему партнеру.

— Если бы не он, — глухо произнес Сяо Жань, — я бы никогда не женился.

Сколько же тайн скрывалось за этими словами? Вэнь Ле стало любопытнее прежнего. Энергия ненависти, способная длиться всю жизнь, должна быть колоссальной. «У этого человека непростая история, — подумал Вэнь Ле. — Когда-нибудь нужно будет написать песню об их любви».

Вэнь Ле сам писал музыку, поэтому схватывал новые мелодии мгновенно. Он знал множество песен, но неизменно отдавал предпочтение самобытным сетевым исполнителям: «Чего желаю в этой жизни» братьев Кунго, «Вернись, любовь моя» Ян И, более старой «Сирени» Тан Лэя и всем дворовым балладам Лао Лана. Однако самой любимой была песня Шэнь Цина «Годы»:

Синее небо

Над ярким солнцем горячим,

Твоя улыбка

Все та же, как в день наш прежний.

В те времена ты желание свое загадала,

Что встретимся мы когда-то в грядущих днях,

Но руки разжались, промчались долгие годы,

Оставив лишь сны.

Есть в мире вещи,

Что даже ты, при всем твоём остром уме, не предскажешь,

Есть в мире фразы,

Которых в юности нам не дано понять.

Всегда остаются простые, нелепые сожаленья,

Простые, как наше «вчера»,

Всегда остаются какие-то в нас перемены,

С теченьем годов.

В начале была наша встреча,

А после пришла и разлука,

Но небо все так же красиво.

Те многие сцены простые,

Те многие маски и лица

Становятся тихой памятью.

Открой же старые письма,

Спой снова забытые песни,

Где каждое слово знакомо.

Они в наших душах застыли,

Они в чужих снах растворились,

И все это станет прошлым.

Лишь миг пролетел —

А сколько в нем мыслей сокрыто,

В толпе суетливой

Сколько историй исчезло.

Если бы можно было вернуться в начало,

Если бы «если» сказать можно было вновь,

Я бы опять загадал то же самое желание:

Быть рядом с тобой до конца.

Голосу Вэнь Ле не хватало мощи, но эта легкая сыроватость лишь подчеркивала горечь юношеской печали и смятение любви, заставляя сердца слушателей сжиматься. В этих строчках о встречах и расставаниях, разделенных долгими годами, сквозила глубокая неприкаянность.

А между тем Наньгун Хуэй сидел здесь же, рядом. На его лице все еще играла та самая пленительная улыбка, а клятвы верности, казалось, еще звучали в ушах. Но всего за какой-то

месяц их сердца прошли путь от полного слияния до глухого отчуждения. Неужели все правда: люди влюбляются, не зная друг друга, а узнав — расходятся?

Сяо Ван и Наньгун Хуэй пели неважно — их голоса постоянно уносило куда-то в сторону Марса. Наньгун Хуэй заказал «Сколько любви может вернуться», но переиначил пару строк: «Сколько любви можно профукать, сколько людей стоит замучить...» В тот момент все чуть не поперхнулись пивом от смеха. Но теперь Вэнь Ле думал об этом с горечью: не была ли любовь Наньгун Хуэя к нему лишь попыткой «профукать» время? Не была ли это просто очередная «пытка»? К тому же он трижды спел «Цветочную террасу», заявив, что доведет исполнение до идеала и сделает песню своим коронным номером.

Значит, отправляясь на встречу к Лао Чжао, он рассчитывал поразить всех именно этой песней? От этой мысли Вэнь Ле стало совсем тошно, и он решил объявить холодную войну.

Он перестал звонить и писать Наньгун Хуэю каждый день, как делал это раньше. Лишь спустя три дня тот не выдержал и набрал его номер.

— Ты чем занят? — спросил Наньгун Хуэй.

— Только что вернулся с репетиторства, устал как собака. Собираюсь спать, — холодно ответил Вэнь Ле.

В другой раз он бросил:

— Я в игре, в данже, всё очень напряженно, не могу говорить! — и тут же нажал на отбой.

Это приносило мимолетное удовлетворение. Однако Наньгун Хуэй, казалось, ничего не замечал. Он оставался все таким же невозмутимым: не пытался загладить вину, не искал способов исправить ситуацию. То ли он был настолько толстокожим, то ли ему было попросту плевать.

В эти дни Вэнь Ле от нечего делать перечитал все записи в QQ-пространстве Наньгун Хуэя, а по ссылкам добрался и до его блога на «Байду». Стоило признать: он был весьма талантлив. Писал он много, и вещи выходили по-настоящему глубокие.

«Иссушенная печаль»

В баре тусклый свет. Обыденная жизнь простых смертных: распутство, падение, упоение любовными играми без тени компромисса.

Для случайных прохожих я лишь человек с бокалом в руке. Мерное покачивание напитка, затуманенный взгляд. Встать и уйти.

За спиной — черные диваны с тяжелым узором, рождающие ощущение мрачной роскоши.

У всех нас общие черты: равнодушные лица, скупые слова. В голове — пустота, обрывки мыслей, которые невозможно связать воедино.

Сколько раз во сне я счастливо улыбался, наивно убеждая себя, что он меня любит.

Утреннее солнце — тонкое, колючее. Оно бьет по обнаженным нервам.

Любовь и смерть — две вечные темы.

И только никотин в легких дарит временный покой.

Едва рассвело, а я уже чувствую смертельную усталость. Пустые бутылки на полу у кровати, рассыпанный пепел, ледяные пальцы. Лишь тепло чужой кожи возвращает меня к жизни. Я смотрю на него, и в сердце смешиваются нежность и боль.

Я оглядываюсь на этот город, полный невысказанных признаний. Страсть и разрыв, путаница и освобождение, жестокость и холод... Пора со всем этим покончить. Пора прощаться. А тому, что еще не случилось, не будет конца. Одно за другим, всё будет продолжаться...

Читая это, Вэнь Ле почувствовал острую щемящую жалость. Вот он — тот человек, которого он хотел спасти, которого хотел утешить. Но как бы он ни старался, до сердца Наньгун Хуэя было не дотянуться.

«Мои чувства»

Как мне помочь этому мужчине?

Я видел, как он рос, видел, как он уходил.

Его сердце...

Согрелось ли оно?

Я должен первым отдать всё, что у меня есть.

Кто спасет его?

Кто обнимет этого ребенка, которому так нужно тепло?

В то одинокое утро...

Как он справился?

Так холодно!

Кто подарит ему тепло?

Кто подарит ему тепло?

Если бы я был великим поваром...

Если бы я мог готовить для него горячую еду...

Чжань Нин, если бы я потерял тебя давным-давно...

Как бы я смог дожить до сегодняшнего дня?

Где он сейчас?

Вернулся ли к той одинокой реке, в то место, где нет любви, где лишь одна темнота?

На этой записи Вэнь Ле ощутил вспышку неистовой ревности к человеку по имени Чжань Нин. Оказывается, Наньгун Хуэй умел и отдавать, и любить. Но почему же в их общей жизни от этого не оставалось и следа?

«Счастье, которого я хочу»

Счастье. Каждый жаждет его обрести, но что это такое? Каким должно быть твоё счастье? Задумывался ли ты об этом? Я — да. Я представлял свое счастье, но оно кажется нереальным, словно из сна.

Иногда, когда мне одиноко и тоскливо, я думаю, что мое счастье — это просто кто-то рядом. Пусть мы не в объятиях друг друга, но мы можем утешить один другого. Или чтобы в то самое утро, когда всё начинается с чистого листа, первым, кого я увижу рядом, был он. Или просто смотреть на него издали и ловить его ответный взгляд. Вот так: сохранять дистанцию, но восхищаться друг другом.

Иногда я чувствую усталость и хочу присесть отдохнуть. Если бы я увидел, что кто-то лежит рядом со мной, я бы счел его счастливым. В такие моменты я представляю: он кладет мою голову себе на колени, глупо улыбается, а я люблюсь этой его улыбкой. Тогда я был бы

счастлив.

Солнце зашло, я еще не ужинал. Голода нет, но я вижу в ресторане двоих: они едят и подшучивают друг над другом. Они счастливы. Мое счастье — в том, чтобы он доел за мной всё, что я заказал. Или чтобы он, заметив, что я оставил еду, с улыбкой забрал тарелку и, щелкнув меня по лбу, пожурил за расточительность. Это тоже было бы моим счастьем.

Наступает ночь. Холодно. Я иду по улице и вижу в окнах два силуэта. Слышу их смех. Они счастливы. А я... мое счастье в том, чтобы он обнял меня и тихо шептал на ухо всякие пустяки. Или чтобы он, устроившись на полу, подстригал мне ногти на ногах, время от времени прося не двигаться или в шутку щекоча под мышками. Тогда мы были бы счастливы.

Что такое счастье? Это когда двое могут с радостью делать вместе любое дело. Когда тебе грустно, а кто-то может утешить и рассмешить.

Я жажду счастья, но до него — десятки тысяч ли. Иногда нас разделяет лишь берег, оно на расстоянии вытянутой руки, но я не могу до него дотянуться. Я несчастен.

Счастье, где ты? У кого оно в руках? Когда ты вернешься ко мне, когда окажешься в моих ладонях? Если бы мне дали хоть разок взглянуть на него, я был бы счастлив.

Ночь темна. Я устал и хочу уснуть, но боюсь, что мое счастье вернется и не найдет меня...

Прочитав это, Вэнь Ле лишился слов. Счастье, которого так желал Наньгун Хуэй, — разве он не получал его прямо сейчас? Тогда почему он ведет себя так? Почему в нем нет ни капли того тепла, о котором он пишет?

Просмотрев все записи, Вэнь Ле понял лишь одно: Наньгун Хуэй так и остался для него неразгаданной загадкой.

<http://bllate.org/book/18179/1759662>